

Фолибержер

Перед входом в "Фолибержер" обнаружилось, что среди наших билетов два – отдельные ото всех, а остальные десять в двух ложах, расположенных на уровне сцены и впритык в ней. Хоттабычи ухватили два отдельных места, чтобы наслаждаться запретным плодом в отрыве от коллектива. Завладев билетами, они скрылись. Мы увидели их только в антракте.

Наши ложи вызвали непонятный интерес партера. Подумалось, что хозяева дали знать класе о двух **русских ложах**. Но все оказалось проще: внимание некоторых зрителей, особенно двух восторженных негритянских семейств под нами, привлекли сидевшие у обитого бархатом барьера драматурги-песенники, универсалы – Татьяна Сикорская и Самуил Болотин.

Обнаружив, что в "Фолибержер" курят во время представления, они задыхались так, будто только ради этого и прилетели в Париж. Наши нижние соседи, особенно подростки, решили, что это – часть спектакля. Уж очень любопытными показались добрые тетенька и дяденька, затеявшие всю эту игру, подслеповатые, утопающие в дыму, на редкость бодрые, будто два брехтовских персонажа, заброшенных сюда напрямиком с лондонских окраин.

Между тем по авансцене двигалась великолепная блондинка, втиснутая вся, решительно вся: без купюр, голая, в крупноячеистую рыбацкую сетку. Продолжая напевать куплеты, она села на барьер противоположной ложи, кого-то обняла, поцеловала и двинулась к нам, повторяя в куплете слово "безе".

Поравнявшись с нами и присев так близко, что никакие дезодоранты не перешибли бы запахов буйной плоти, она обозрела обе наши ложи, сообразила, что ей недотянуться до Анатоля, единственного породистого мужчины среди нас, и вдруг обняла мою жену, Валентину.

В антракте примчались Юз и Поляков. Их места оказались на галерке, в таком неудобстве, что они не разглядели, что стряслось у нас.

Выслушав наше сообщение, Юз глубокомысленно заключил, что такое зрелище строится непременно симметрично, и попросил Валентину, как уже целованную, уступить ему место у барьера.

– Не нарывайтесь на скандал, Юз, – сказал ему Поляков. – Помните, что вы не самый обольстительный мужчина в Париже. Эту даму может хватить кондрашка.

Воздев правую руку, Йосиф Ильич гордо ответил:

– Считайте меня коммунистом.

Юз оказался прав: все повторялось. Могучая дама в золотых лодочках развлекала зрителей куплетами, и не сразу заметила, что место обласканной ею русской занимает странная маска, эдакая химера с собора Парижской Богоматери. Ее руки скользнули как-то мимо Юзовского, пренебрегая им, и ухватили Анатоля – после антракта он неосторожно пересел к барьеру.

Зал ликовал и неистовствовал. Она долго тискала его, члена выездной комиссии Московского городского комитета партии: приподняла его, обмершего, и не выпускала из объятий, как он ни дергался, как ни елозил подошвами по полу.

Как только Анатолий пришел в себя, Юз заметил встревоженно:

– Это попадет в утренние газеты, увидите! "Красные в объятиях стриптизерки!" Они все это нарочно подстроили.

А из соседней ложи донесся сладкий, добрый голос Болотина. Случившееся казалось ему, как и негритянским мальчишкам в партере, забавным происшествием. Болотин мгновенно сочинил четыре строки, которые ударили по Анатолю похоронным колоколом:

Целовали нас в гостях

По разу – не более,

И досталась ласка вся

Душке – Анатолию.

За всю поездку Тамара Мотылева совершила только одну ошибку. Приближаясь к Анатолю, дама в золотых лодочках зачастила со своим проклятым "безе", "безе". Болотин, опасаясь, что Анатолий не поймет, о чем она взывает, громко перевел: "Поцелуй! Поцелуй!" Мотылева царственно кивнула, подтверждая точность перевода, и уже через секунду Анатолю было не выдрать из борцовских объятий.

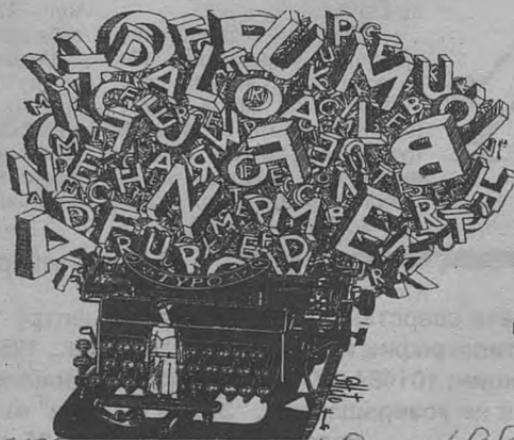
Он потерял покой. Шуточное предсказание Юзовского напугало его. Первый выезд в "капстрану" кончался для него полным фиаско. Столько было потрачено усилий, группа еще в Москве сокращена до самого малого, все предусмотрено, и надо же было согласиться с Хоттабычами, потерять бдительность, переменить благородный поход в знаменитую парижскую Оперу на посещение этого бардака с голой, повредившей ему шею бабой!

Холодный пот прошиб Анатоля от сознания, что уже завтра о скандале будут знать в посольстве. Не зря ведь говорят, что там у них каждый второй стучит. Ну, пусть не второй, пусть третий или четвертый! И этого хватит. И в самой группе, может быть, кто-нибудь дублирует его, Анатоля. Кто поручится, кто обезопасит его? Уже в "Фолибержер" ему казалось, что в ложах и в партере шепчутся о нем, склонившись друг к другу, твердят проклятые четыре строки.

С вспыхнувшим озлоблением смотрел он на изнуренного с виду, дряхлеющего, но в сущности такого неутомимого, деятельного Болотина – вот уж кого не стоило тащить в Париж! А он победно вырывает листок из блокнота, машет им щедрой рукой, передает Анатолю. Сущее дитя! Суетное, перхотное, дымящее сигаретами. Бог мой – честолобиц еще и записывает адрес, где родился его шедевр, дату рождения, делает не одну – а две подписи. Трогательная пара всегда вместе, рядом.

Такие туристы – находка.

Еще одну новеллу
А.Борцаговского читайте
на 16 странице.

Журнал и сцена - 1998 - окт. (~40) -